

- [Лоис Макмастер Буджолд](#)

-

Лоис Макмастер Буджолд

Гаражная распродажа

То было Великое Голубиное Нашествие — именно оно достало Кригера окончательно. Говоря по совести, это не было наихудшим из всех столкновений с его соседкой Миссис Арбор, — о которой он отзывался, чтобы не быть грубым, как о «той женщине, что вылизывает подъезд к своему дому» — оно просто было последним.

Гарольд Кригер самому себе всегда представлялся человеком мягким, нетребовательным, с которым легко поладить; «живи сам и дай другим» — таков был его девиз, как по форме, так и по содержанию. Он скорее позволил бы вырвать себе язык, чем сказал бы соседу, скажем, до какой высоты ему подстригать свою живую изгородь, каким инструментом при этом пользоваться, как его держать и как часто ее равнять. Не говоря уж о положении, в котором стоять, выполняя вышеупомянутую работу по хозяйству.

Миссис Арбор, к несчастью, подобного такта не имела. Так начинались их взаимоотношения. Он свирепо улыбнулся и, стиснув зубы, устоял перед внезапным желанием завершить работу со своим секатором, резанув по ее серым, стального цвета волосам, завитым строгими волнами и откинутым назад с ее нахмуренного лба. Он бы не стал совать свой нос, реши она скрести алюминиевую обшивку своего дома дважды в год до тех пор, пока на эмали не появятся следы износа. Или реши она каждый год скоблить и красить наличники вокруг окон и дверей, одновременно с заменой асфальтового покрытия подъезда. Она была горькой вдовицей в опустевшем гнезде, у которой, очевидно, слишком много денег и которой не достает настоящей работы, чтобы себя занять.

А Кригер должен был бросать жребий, на что потратить сбережения — покраску своей облезающей (не алюминиевой) обшивки или покупку качелей для детей. Сейчас счастливые дети качались на качелях, и им не было никакого дела до сыпавшегося иногда снега в виде чешуек отскочившей краски, когда летний ветерок был порывистым и дул в подходящем направлении. Однако, миссис Арбор это волновало. Вернее, она категорически потребовала, чтобы он вымел свои отвратительные чешуйки с ее подъезда. Маленькие зеленые точки на девственно черной

поверхности, должно быть, глубоко оскорбляли ее чувство эстетики. Других причин для претензий, насколько он мог судить, быть не могло; у нее не было машины. Но происшествие с котом было самым ужасным. Она регулярно, горько и гнусаво жаловалась на Маффи.

— От кошачьих какашек, — фыркнула она, — бывают глисты и болезни. Если вы не можете держать это грязное животное подальше от моего двора или не в состоянии содержать его в чистоте, я вызову инспектора из службы животного контроля!

— Да ну, бросьте, — ответил Кригер. — Никто не моет кошек. Люди не могут подцепить кошачьих глистов и, кроме того, кошачьи какашки — хорошее удобрение для ваших роз.

Но животный контроль она вызвала. К счастью, когда пришел инспектор, кот был наверху и мирно спал, развалившись на его кровати. Офицер вежливо, долго и терпеливо выслушивал разглагольствования миссис Арбор через ее запертую входную дверь. Кригер, словно Маффи, пригнулся, подсматривая сквозь шторы, которые со стороны дома Арбор теперь всегда были задернуты. Но, очевидно, ни от кого не требовалось мытье кошек, потому как офицер вновь ушел так и не приблизившись к дверям Кригера. Кригер, только что решивший не отвечать на стук, притворяясь, что его нет дома, успокоился. Каким-то образом, настал его черед менять мешок в мусорном баке, хотя он почти всегда мог переждать свою жену на предмет того, чья очередь мыть окна. Но он твердо решил гнуть свою линию в ответ на просьбу миссис Арбор (да какой там — на требование!) прибыть в ее сад для уборки кошачьих фекалий.

— Маффи — не единственный чертов кот в чертовой округе, — неоспоримо заметил он.

Ее ответ был холоден, а его ответ был груб. Она повесила трубку, и он понадеялся, что это был последний разговор о кошачьих какашках.

Прямо наследующий день, когда он сидел и созерцал свой газон, размышляя: отдать деньги на ремонт газонокосилки (эти деньги уплывут прямо из той суммы, что он отложил на небольшой уик-энд с поездкой на рыбалку) или еще подождать, а потом взять напрокат сенной пресс-подборщик, миссис Арбор появилась из-за угла его дома. Она была осторожна в том, чтобы реально не ставить ног на его запущенные владения. За загринок, отставив от себя, словно зачумленный предмет одежды, она держала Маффи.

— Он делал это! — закричала она на него. Дальнейшие ее слова потонули в гораздо более громком реве и визге. Сегодня городская служба подрезала деревья на их улице, превращая ветви в измельчителе в

древесную стружку. Шуму от него было, как от сотни банши с несварением желудка, от которого у Кригера обычно сводило зубы. Однако теперь он улыбнулся, приставил к уху ладонь, и помотал головой. Она продолжала открывать рот, излагая свои жалобы. Измельчитель остановился.

— ... грязное, — говорила она. — На этот раз вы не сможете отрицать. Я поймала его прямо на месте преступления. Отвратительные пахучие выделения.

— На вашем месте, я бы не стал держать этого кота, — сказал Кригер, — у него, к тому же, блохи.

Ноздри у нее раскрылись, она вдохнула и раздулась от возмущения. С ревом машина заработала снова. Шумовой поток унес ее слова. Внезапно она перешагнула через край тротуара, и бросила вырывающиеся животное мимо рабочего в пасть измельчителя. Если кот и кричал, то его голос потонул в скрежете машины.

— Бог ты мой! — закричал рабочий. — Выключи ее, Билл!

— Что? — крикнул в ответ Билл.

Кригер стоял с открытым ртом, настолько пораженный, что даже не мог протестовать. Все равно, уже слишком поздно. Миссис Арбор глянула на него через плечо со злобным триумфом и быстро убежала в свой дом, захлопнув дверь. Во внезапной тишине, когда машина остановилась, он даже услышал щелчки от двух ее дверных задвижек, вставших на свои места.

Когда дети пришли домой из школы, он сказал лишь: «Маффи погиб сегодня на улице».

Сам он лично не сильно огорчился из-за кота; тот страдал хроническим ринитом и, бывало, регулярно будил его в четыре часа утра, чихая своими соплями прямо ему в левое ухо. Так что он не написал «Хлороксом» посреди ее газона «психованная сука», хотя был очень к тому близок.

Кригер, когда подспудно ощущал, что должен вести себя по-христиански, мог понять ее точку зрения на кота. Это было его животное, и его, как он полагал, можно было счесть ответственным за конечный кошачий продукт. Но голуби! Голуби принадлежат Господу Богу. Или городу. Или воздуху свободному. Уж конечно не ему, как ни крути. Они кружили, падали и взмывали в верхних слоях атмосферы, и поселились у него в ивах. Не в ивах миссис Арбор, конечно — у нее напротив деревьев была сетка. Его совершенно не беспокоило и их мягкое воркование и крики, что доносились в окно спальни на втором этаже теплым летним вечером. Они проживали свою маленькую голубиную жизнь, и он совершенно не

возражал против того, чтобы разделить с ними кусочек пространства, тем более что сам он никогда на ивы не забирался. Но, разумеется, где есть жизнь, там и дерьмо.

— Жить по соседству с этими болезнетворными, грязными созданиями! — так миссис Арбор излагала свою точку зрения. — Вы только посмотрите на этот кошмар, что они творят на моем подъезде!

И она позвонила в комитет по охране здоровья. На этот раз офицер пришел к дому Кригера. Они долго беседовали. К счастью, жены и детей не было, они навещали ее маму. У его жены была склонность от любого официоза впадать в панику, переходящую в ужас, и он был рад, что ему не пришлось объяснять ей, что у комитета по охране здоровья нет таких полномочий, чтобы посылать людей в концентрационные лагеря.

Кригер едва сдерживался. До тех пор, пока не позвонил в компанию по уничтожению, и не узнал, что стоимость защиты его участка от голубей приближается к трем сотням долларов. За его счет. К тому моменту, когда он повесил трубку, приказ комитета по охране здоровья превратился у него в кулаке в плотный, смятый, влажный комок, а его глаза дико округлились.

Он позвонил миссис Арбор, и самым дипломатичным образом объяснил имеющиеся трудности. Она повторно изложила свою позицию. Тон беседы упал до новых нот.

— Послушайте, леди! — кричал он. — Имейте сердце. Вот уже два месяца, как меня сократили. Поверьте, когда вы безработный, вы не сможете вести бурную жизнь, тем более с женой и двумя детьми. У меня нет таких денег, чтобы выбрасывать их на ветер. Так что мы с вами зашли в тупик!

— Вот что не правильно в этой стране, — ответила она. — Ленивые бездельники, которые предпочитают хлебать из общественной лоханки вместо того, чтобы пойти и получить честную работу!

— Апф! — осекся он, начиная задыхаться. — Единственная вакансия, что открылась в этом городе за прошедшие четыре недели, это работа официантом в «МакДональдс». И я был там в восемь утра. А передо мной были еще девятнадцать человек. И, господи исусе, половина из них была в костюмах и при галстуках!

— Завтра я собираюсь в административный центр города и лично, вы слышите меня, лично прослежу, что бы получили то, чего заслуживаете! — пронзительно закричала она ему в ответ. — Даже если на это уйдет весь день!

На этот раз трубку бросил он, трясаясь и до смерти волнуясь по поводу своего кровавого давления. Он видел, как наследующее утро она

промчалась, словно краб, к такси, а затем убежала обратно. Старый драндулет отчалил без нее. Примерно через полчаса прибыла новая и более чистая машина, и увезла ее прочь. Кригер размышлял, не была ли та первая машина той, в которой последний раз ехал он, и в которой была пьяная блевня, оставшаяся от предыдущего пассажира. Впрочем, он скорее на это надеялся.

Враг отбыл. Он расхаживал вокруг своего дома, таращась вверх на голубей и мрачно прикидывая цену пирога с голубятиной где-то в тридцать долларов за фунт. Он позволил взгляду побродить по соседской собственности, по черному, как цилиндр, подъезду, по чистенькой белой отделке гаража, словно вырезанной из бумаги.

Именно с гаража начался ход его мыслей. Искушение вскипало у него в подсознании как поток лавы. Он отрекался от него, он боролся с ним, он все еще сопротивлялся ему, когда ноги его уже начали двигаться.

Где-то у него в гараже была длинная доска, и оставалось немного синей краски. За несколько минут он красиво и аккуратно вывел буквы, ему даже не пришлось прижимать их друг другу в конце надписи. Мгновением позже он стоял перед ее боковой дверью, вспоминая, как он в последний раз попадал в собственный дом, когда случайно запер в нем ключи. Он все еще сопротивлялся. Потом он подумал о Маффи.

Он отвел ногу назад и вышиб дверь внутрь.

Его первые покупатели прибыли почти перед тем, как он вытащил на подъезд ее кухонный стол, на котором торопливо было свалено в кучу содержимое ее кухонных ящиков. Он сделал следующую надпись: «Все что на столе — пять центов». И еще одну: «Уйти должно все, предлагайте. Мама уезжает во Флориду в дом отдыха». Он нашел ключ от ее гаража в ящике вместе с кухонными ножами, и оставил его открытым для публики.

Следующими были ее шкафы. Их содержимое, должно быть, уже было подготовлено к продаже, все такое чистое, аккуратно сложенное, разложенное по цветам. Вся обувь была в своих оригинальных коробках. Каждый предмет одежды был в чистом пластиковом пакете. Ему пришлось вытряхнуть их прямо на подъезд ради импровизированного универмага.

Деревянная мебель была идеально отполирована — ни вмятинки, ни царапинки. На абажурах ламп все еще были целлофановые чехлы. Мягкая мебель была накрыта белыми простынями, будто съезд Ку-клукс-клана, чтобы защитить окраску ткани от солнечного света, которому никогда не позволялось проникать сквозь задрапированные окна. «Как новая», написал он на следующей табличке, «предложения не отклоняются».

К полудню у него была толпа, так как первые покупатели

возвращались, шепнув словечко об экстраординарных сделках родственникам, друзьям и соседям. Они налетали как саранча, и отбивали как рейдеры викингов, груженные добычей. Один приехал на грузовичке-пикапе — баркасе этого дня — и забрал мойку, сушилку и холодильник за удивительную цену — двадцать долларов. Продукты Кригер отдал даром.

На ленч было питье в виде глотков из полупустого пакета молока, извлеченного как раз перед тем, как увезли холодильник, прерывавшееся пробежками ради опустошения спален, шкафа с постельным бельем, и каждого чердачного помещения. Он собрал какую-то мелочь и, даже не посчитав, ссыпал ее в старую банку из-под фруктового торта. Неходовой товар он вручал удивленным покупателям в качестве призов.

Он выволакивал каркасы кроватей и буфеты с бешеной силой, о которой и не подозревал, что на такую способен, приподнимая их, и дергая рывками. Его очки скособочились и сползли на его вспотевший нос. Коробки с бакалеей. Консервы из подвальной кладовки. Не распакованное мыло и завернутое в пластик туалетное полотенце из шкафчика в ванной. Полный комплект подписки «Нейшенл Инквайрерс» начиная с 1962 года в картонных коробках. Дюжина томов кратких сборников «Ридерз Дайджест». Матадор, изображенный на черном бархате, и сложенные в мольбе руки, нарисованные на выдранной из стены гостиной штукатурке.

Все.

К четырем часам, когда дневной свет стал склоняться сквозь клены, затенявших их улицу, сияя на маленьких вращающихся вертолетиках опадавших с них семян, все было кончено. Он стоял, чуть задышавшись, посреди ее черного подъезда, дрожа от усталости, восторга и ужаса.

— Давайте, позвольте вам помочь, — сказал он последнему владельцу пикапчика. Такси только что свернуло на улицу, и замедлялось по мере приближения. — И эту коробку тоже. Нет, в самом деле! Я не могу тащить этот хлам во Флориду, это просто не экономично. Спасибо! Пока! — Он помахал ему на прощанье.

Кригер встал на колени посреди подъезда, поставил жестянку из-под фруктового торта между колен, и впервые стал считать дневную выручку. Такси остановилось, его тормоза скрипнули, словно приглушенные волюнки. Дверца распахнулась. Выползла миссис Арбор. Ее шляпа согнулась, глаза были дикими.

— Я так странно себя чувствую! — простонала она. В самом деле, выглядела она странно — была почти прозрачной. Не только ее платье в цветочек, но казалось, что ее ноги сами просвечивают сквозь густую сеть ее колгот.

Ее взгляд опустился на Кригера.

— Ты! — закричала она с ненавистью — Ты! Что ты здесь делаешь? Что ты сделал с моими вещами?

Она, шатаясь, прошла к себе в дом, будто отраженный в стекле образ, мимо дверной задвижки, болтающейся выдраным зубом от грубого вторжения Кригера.

— Мои вещи! — эхом отражался ее скорбный вопль по первому этажу, по второму, по цокольному. — Мои вещи! Мои вещи!

Она появилась из боковой двери. Кригер улыбнулся, глядя на нее, на ее прозрачность. Обшивка ее дома просвечивала сквозь нее горизонтальными линиями, словно она была портретом на разлинованной бумаге. Ее последний вскрик упал вместе с ее телом:

— Мои вещи...

И только маленькая маслянистая клякса осталось от нее на изношенной теперь поверхности подъезда.

Кригер закончил подсчет.

— Двести девяносто девять девяносто пять, три сотни ровно, и пять центов сверху. — Он с грохотом вывалил три сотни долларов банкнотами и мелочью в банку из-под фруктового торта, вынул из нее самый грязный пятицентовик, какой только смог найти, и поставил ее в центр скользкого пятна. — Вот то, что я вам должен, миссис Арбор.

Он поднялся на ноги, мышцы протестующе заныли. Перед ним на подъезде с неожиданным шлепком появилось багровая клякса голубинового помета. Сейчас был сезон тутовых ягод.

Он погремел банкой, глядя на парящие над ним силуэты.

— Хватит мне с вами нянчиться, вы слышите? — взывал он к небесам — Просто вызову голубиное СС с его печками для вас!

Он уставился на свои переполненные голубями ивы. Нежное воркующее щебетание опустилось на него, будто благословение.

— Нет, господи! — радостно прокричал он голубям, — Живите, маленькие засранцы! А я куплю упаковку пива и пойду на рыбалку!